Из дневников 1921 года

Владимир Вернадский

SHOUT
SHARE
IT

- В.И. Вернадский
  -
  - ПРИМЕЧАНИЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

В.И. Вернадский

ИЗ ДНЕВНИКОВ 1921 ГОДА

Публикация М.Сорокиной

Отдельная стопка листов небольшого формата, исписанных плотным, мелким почерком (карандаш). История кратковременного ареста Вл.Ив. Вернадского, записанная им по свежим следам. Записи эти говорят сами за себя и почти не требуют комментария. Поставим их только в некоторый событийный ряд.

В ноябре 1 9 1 7 года академик Вернадский, бессменный член кадетского ЦК, товарищ министра народного просвещения во Временном правительстве, вынужден был бежать из Петрограда ввиду угрозы ареста. Бегство это обернулось четырехлетним отсутствием его в родном городе, и только в феврале-марте 1 9 2 1 г. медленный поезд вывез ученого из Крыма в Москву, откуда он намеревался вернуться в Петроград. Как раз в это время разразилось восстание в Кронштадте.

8 марта управделами СНК Н.П. Горбунов направляет секретное письмо в Наркомпрос с просьбой охарактеризовать большую группу научной и художественной интеллигенции, среди которой ученые В.А. Стеклов, А.Ф. Иоффе, С.Ф. Платонов, Ф.И. Щербатской, В.М. Бехтерев и др. Пристальный интерес власти к настроениям научной интеллигенции вполне понятен. Ее тяжелое материальное положение, приведшее к гибели многих ученых, отражается на политическом климате. Известная приверженность интеллигенции оппозиционным партиям (на самом деле весьма иллюзорная у большинства) рождает недоверие к ней со стороны многих представителей власти, перерастающее в глубокую, патологическую подозрительность и настоящую манию «заговоров». Именно по такому варианту развиваются события после начала в апреле 1 9 2 1 г. «профессорской забастовки» в Московском Высшем Техническом Училище. На первые числа июня падают массовые обыски и аресты среди бывших членов к.-д. партии. В июле-августе — стремительное развитие «таганцевского дела» с арестами профессуры и события вокруг организованного интеллигенцией Всероссийского Комитета помощи голодающим, закончившиеся

также традиционной формулировкой «заговора» и арестами. Таков событийный контекст ареста Вернадского 1 4 — 1 5 июля 1 9 2 1 г. Конкретные причины его остаются неизвестными, но, возможно, достаточным объяснением является сочетание дореволюционной общественной деятельности ученого с почти четырехлетним его отсутствием, с участием во Всепомголе и наличием близких друзей во всех перечисленных выше «заговорах».

Арест Вернадского чрезвычайно обеспокоил наркома просвещения А.В. Луначарского, и 19 июля последний обратился с письмом в ЦК РКП(б) с просьбой поставить на рассмотрение Политбюро вопрос об отношении к

академикам С.Ф. Ольденбургу и В.И. Вернадскому. На следующий день с этим письмом ознакомился В.И. Ленин, который направил его секретарю ЦК В.М. Молотову. Существует ли прямая связь между письмом Луначарского и тем, что Вернадский остался далее на свободе? Этого мы пока не знаем. 21 июля начались массовые аресты по «таганцевскому делу», Вернадский же находился в пути. Его отъезду на Мурманскую биологическую станцию ПЧК не препятствовала. Поезд увозил ученого на север, а в конеч-н о й перспективе (май 1 9 2 2) — за границу.

Публикуемые записи хранятся в Архиве АН СССР (Ф.518. Оп.2. Д.11а).

Сохранены все стилевые особенности записи, устаревшие выражения, а также характерное написание Вернадским отдельных слов (например, «кому-нист»). Подчеркивания автора выделены курсивом.

17.VII.921 За ст[анцией] Свирь. Челма.

Хочу записать впечатления своего ареста 14-15.VII.921.

Утром нас разбудила Модлена, сказав, что пришел уполномоченный домового комитета швейцар Курда с какими-то людьми. Наташа[1] вышла посмотреть, и мы поняли, что это обыск. Быстро оделись — вооруженные солдаты и два отвратительных типа — один комунист на вид, «по форме», другой полуинтеллигент. Первый несомненно не полуинтеллигент, д[олжно] б[ыть], бывший студент или гимназист, идейный работник. Какое нравственное падение! Оба в шапках, довольно грубоваты. В глаза не смотрят. Пошли в кабинет. Подал главный бумагу: произвести обыск и арестовать — фамилии нет. На мой вопрос они грубо с окриком заявляют, что так полагается. Курда как представитель домового комитета заявляет, что это всегда, когда действует «летучка» (на бумаге

есть надпись «летучий»).

Ст. Токари (бросил письмо Наташе). Летучка, мол, может произвести ряд обысков. В этом элементарном уме такое действие кажется полезным и целесообразным! Полное чувство и мысль рабов и у русских революционеров, и у русской толпы. Вытряхивают книги: все книги, которые лежали на столе, были внимательно осмотрены. Количество книг приводило их в изумление и некоторое негодование. Отвратительное впечатление варваров… Исполняли свою обязанность не за страх, а за совесть. Ужасно неприятное и тяжелое чувство, когда роются в письмах, бумагах, отбирая то, что им кажется нужным для сыска. Пробуют читать рукописи — полуграмотный один из них… Это отряд т.Иванова. «Товарища» Иванова — из идейного искателя нового строя превратившегося в старый испокон тип сыщика… Спрашивает о телефоне, пытается переговорить с губ[ернской] ЧК, что делать ввиду массы книг и рукописей. Мой рабочий стол был осмотрен внимательно, забраны кое-какие письма и бумаги довольно бессмысленно. Ф.И. Успенский[2] пробовал с ними говорить — отвечали отвратительно грубо. Затем обыск у жены, дочери — там вещи, и они были в своей сфере. Так и видно, что это люди, которые понимают толк в вещах, мелкие стяжатели. Смотря на все это, у меня росло чувство гадливости и какое-то большое чувство того, что я мог считать людей, создавших такое проявление идеальных исканий, своими товарищами по жизненной цели и видеть в них оттенки того же настроения, которыми живет все время мой дух и дух моих друзей. У жены взяли переписку. Перешли в кабинет. Велели одеться (я был в халате). Жена хотела что-то сказать. Я заявил, чтобы известили Президента[3] , и тут гаденько держал себя Курда — на меня произвел впечатление

человека, с ними сговорившегося. Он полулежал в качалке и держал себя все время, как их агент. Закончил Бартольда Улугбека[4] во время обыска.

Оделся — посоветовали взять еду; быстро поел и поехал с ними в автомобиле.

Привезли в ЧК. Грубые окрики. Привели в комнату, где регистрировали, где были уже арестованные с узелками. Тут я провел несколько часов. Солдаты не позволяли разговаривать. Какая-то старая женщина, которую я застал и которая осталась и после того, как я ушел, громко протестовала, истерически всхлипывая. С ней то простодушно, а потом грубо, перекидывались словами и чиновники, и солдаты. Солдаты мальчишки пробовали на нее кричать, смеялись, когда она жаловалась, какая-то чисто детская жестокость — открыто

издевались, явно чувствуя себя нравственно неловко, когда она указывала им на свой возраст. Грубость от невежества и невоспитанности, а не от моральной испорченности. Результаты однако те же. Отобрали у меня Eckermann Gesprdche mit Goethe[5] , палку (можете вы без нее обойтись?). «Отцом» называют меня и те, которых на вид я принимал за интеллигентов. Чиновники чрезвычайки производят впечатление низменной среды — разговоры о наживе, идет оценка вещей, точно в лавке старьевщика, грубый флирт…

Ст[анция] Пай.

День с солнцем и пасмурный: на ст[анции] Токари продают яйца, молоко, чернику только за табак. Билет от Токарей до Петрозаводска [стоит] 26000 р. Выдают рабочим серебром — об этом разговор. Жел[езные] дороги, судя по впечатлениям [от] петроградской кассы, получают не очень много: все командировки, добывают всячески — кормежка чиновников учреждений?

Среди арестованных люди самых разнообразных типов; много малоинтеллигентных.

Деревянка. Я застал среди ожидавших одного знакомого, которого не узнал — Ал.Ф. Шидловского[6] , которого поместили в список как Жидлов-ского. Здесь с ним нельзя было разговаривать, и его увели раньше — но я еще раз-два с ним встречался в [перипетиях?] тюрьмы и перекинулся словами.

Орзенка. Шидловский решительно не знал, за что его взяли. Пришли в 8 ч. утра, обыскали, взяли. Взяли в первый раз. Выводили по 4-5 чело-в[ек]. Я вышел с 4-мя, из которых оказалось, что двое меня знали. Один Пантелеев, фармацевт, учившийся в Моск[овском] унив[ерси-тете] и с 1900 года работающий на хим[ических] казенных заводах.

Александровск. 21.VII.921. Биологическая станция. Он стоит сейчас во главе большого дела по изготовлению хими-ч[еских] препаратов для армии. Его взяли и арестовали за то, что он был в гостях у одной старой женщины, муж которой недавно умер. Был ливень, гости были из того же дома, и они остались несколько позже 1 часа ночи, пережидая ливня — им надо было только перейти через двор. Звонок — пришли с обыском к этой даме, обыскали и арестовали ее зятя, жившего ниже, гостей задержали до утра. Утром приехали с ордерами ЧК и забрали их всех троих, не производя обыска. Второй мой знакомый — г[орный] инж[енер] Смыслов, приятель покойного Л.И. Лутугина[7] — мне кажется, подобно последнему из активных трудовиков. Он арестуется уже не в первый раз, думает, что в связи с производящимися выборами в Петр[оградский] Совет: арестуют

всех лиц, могущих влиять: настроение рабочих чрезвычайно враждебное советской власти. При обыске забрали книги, в том числе думские речи и издания. Увидя Соловьева Ист[орию] России — агент заявил, что такие книги надо жечь…

Нас привезли в большую комнату, где помещалось до 30-40 че-л[овек], палату №2. Перед ней небольшая передняя с плитой, умывальником, сбоку клозетом; поднявшись на несколько ступенек, комната со сводами, заставленная кроватями и столом. Гвалт и шум разговоров, людей ходящих, смотрящих в одно окно в углу. Горит электричество всю ночь. В конце концов комната заполнилась так, что не хватило постелей и некоторые расположились на полу. Масса клопов, но внешне чисто; чистота поддерживается самими жильцами. Арестованы очень разные люди — артисты — до 35 чел[овек]. Их арестовали из Нар[одного] Дома; привезли ряд евреев из Витебск[ой] губ[ернии], арестованных за «спекуляцию» сахарином. Сахарин — в больших кристаллах — идет сейчас всюду в большом количестве; с ним борются, как с продуктом, нарушающим государственную монополию. Между тем, по словам Пантелеева, есть 2 госуд[арствен-ные] фабрики, изгот[авливающие] лучший даже сахарин т.к. он у нас не приправа, а вкусовое вещество, но его так мало, что в продажу не пускают — идет служащим и работающим в учреждениях, куда приписаны сахарин[овые] фабр[ики] и в немногие фабрики минер[аль-ных] вод и т.п. Зачем при этих условиях преследовать людей? Одна из очередных бессмыслиц. Привезенные евреи рассказывали ужасы и об обращении с ними, и о тюрьмах-клоповниках, в которых они находились в городке Сокольниках. Евреев вообще среди арестованных очень много, не менее 25%.

В той же камере мой сосед — огородник, мелкий служащий, попал в тюрьму из-за того, что пошел к какому-то Румянцеву, одному из современных большев[истских] чиновников сказать ему, что он

уезжает на 2 недели в отпуск и свое обязательство напилить дрова своей доли сделает после возвращения; Р[умянцева] не было дома, сын сказал, что отец пошел к брату, туда пошел и этот огородник. Там засада, забрали его и всех приходящих — торговлю с [слово не-разб.] и т.п. Сидит 2 недели без допроса, дома жена и трое детей, очень нервничает, негодует. Ксендз из Колпина больше 2 месяцев сидит за помощь военнопленным; энергичный молодой человек, умный, экспансивный. С ним интересный разговор о религиозн[ом] движении; указывает на рост католического религиозного движения среди русских, частию аристокр[атических] кругов, интеллигентных. Он мне

рассказывал о попытках больш[евиков] провести своего ставленника (Путяту?) в патриархи. Напоминает историю тушинского вора?

Сидят матросы анархисты, несколько очень ответственных коммунистов, меньшевик, прис[яжный] поверенный Г., приятель В.В. Водовозова[8] . Его арестовали уже второй раз; подкладка — желание определенных комунистов захватить его квартиру с обстановкой; на этой почве у него столкновения. Очень любопытный разговор с ним о комунизме и социализме вообще, теории относительности, новых достижениях науки. Он думает, что б[ольшевики] еще надолго; их все ненавидят, у них нет опор ни в ком, но нет силы, которая бы стала на их место; анархия будет расти. Очень интересна у него критика основ социализма. По его словам, среди комунистов начался огромный критический процесс в этом направлении и в тюрьме большое количество комунистов, видных партийных работников. Для него, мне кажется, что критика комунизма есть уже теперь критика социализма. И он, как недавно В.В. Водов[озов], говорил мне о книге Е. Рихтера[9] — по его словам, это прекрасная агитац[ионная] книжка для комунистов — т.к. ирония Р[ихтера] непонятна массам (и интел[лигенции]), а Вод[овозов] указал мне, что Р[ихтер] был прав. В этом согласен и Г. Я помню книжку Рихтера из времен молодости — никогда не думал, что придется пережить ее уже не как утопию. Г. спрашивал, остался ли Вод[овозов] социалистом — он его давно не видал. Сам Г., мне кажется, сейчас теряет всякую путеводную нить, и его прошлое начинает ему вырисовываться как трагическая ошибка…

Легли спать; раздался грохот автомобиля. Ксендз подошел и сказал — не пугайтесь, очевидно, повезут многих — м[ожет] б[ыть], Вас — на Шпалерную, в Д[ом] п[редварительного] з[аключения]. И действительно, скоро вызвали чел[овек] 15, в том числе и меня. Дождь, опять прохождение через грубых людей, унижение. Тут и Шидловский, и многие, кого видел утром. На автомобиле-грузовике в ужасных условиях — на корточках и коленях друг друга при грубых окриках, когда пытались подыматься. Тяжелый переезд.

Выяснилось, что идут новые аресты — надо освободить помещение.

В тюрьме попадаю — в темноте — в камеру 245 — кажется; ватерклозетный запах, три постели, где спят; приняли дружественно, как будто полуинтеллигенты, называли «папаша» и «отец». Один предложил примоститься рядом на скамье и табуретках; решили сидеть до 8 утра (было, д[олжно] б[ыть], около 4), когда утром Родин, один из арестованных, обещал

освободить койку. Впечатление пытки. Прикурнул, вынув подушку. Тяжел запах клозета. Окно открыто, но воздуху недостаточно. Это уже настоящее не только моральное, но и фактическое истязание. К утру начал писать бумагу в ЧК обо всем этом, настаивал на допросе. М[ежду] п[рочим], и раньше на Гороховой все время разговоры о допросах; там вызвали одного; все ждут, больше недели сидят без допроса. Разговоры о невероятных следователях, трагикомичные анекдоты, подобные тем, которые раньше шли о цензорах. Но тут уже не губители мысли, но губители и мысли, и жизни. Забыл указать, что на Гороховой сидят дети 11-15 лет; у нас 2, в камере №1, где сидел Шидловский, — 3-4. Наш — продукт нового времени — ненавидит большевиков, развешивал воззвания при Кронштадтском восстании — не убит только из-за возраста, теперь живет на тюремном пайке, т.е. медленно умирает от голодания. Но это характерное явление: рост ненависти и чувства мести — его ощущаешь здесь необычайно интенсивно даже по сравнению с тем, что видишь вне тюрьмы. Только побывав в большевистской тюрьме, сознаешь, до какой степени она плодит и раздувает эту ненависть и чувство мести…

Утром я лег и заснул. Интересны разговоры и типы. Запах к утру стал слабее или я привык. Одиночная камера с умывальником и клозетом — где помещаются вместо одного — три человека! Нельзя почти что сделать немногих шагов, 1 - 2 часа отвратительной прогулки и затем голод. 1 - 2 ф[унта] хлеба утром, два раза кипяток, два раза жидкий «суп», вода и селедка. Это совершенное издевательство и огромное преступление. Ничего подобного не было при старом режиме, и нельзя было даже думать, что что-нибудь подобное будет в XX веке. Я и сейчас чувствую, как подымается у меня чувство негодования. У меня была еда, я не голодал, многие получали из дому и подкармливали, но все-таки кругом были полуголодные люди, как тот же Родин. А затем ряд лиц лишен передач (т.е. получения из дома пищи) и совершенно изолирован от возможности получить ее от товарищей по тюрьме. Сейчас в таком положении был ряд лиц в «полити-ч[еском] отделении», в том числе женщины в связи с каким-то «заговором»… Когда выходишь на прогулку, многие просят кусок хлеба.

Мои спутники — характерные фигуры. Сидят 1 — 2 месяца, два без допроса, один еврей.

Солдат красноармеец Николай Родин — сидит из-за 5 селедок! Полуголодный, странный тип, думающий только об еде и в то же время временами глубокий. Раб и в то же время настоящий человек. Был денщиком и вспоминает об этом

времени (уже в Красной Армии) как о чем-то прекрасном — как он в это время ел! Рассказывает об убийствах и гибели эпически-спокойно; при этом дает простые и сильные картины; ни малейшего сознания родины, России, каких-нибудь идей; совершенно безграмотный, как будто не может никак обнять, что защищает и за что кладет свою жизнь — а рядом с этим говорит: мы все обреченные, будет порядок и станут жить лучше только, когда нас всех, все наше поколение перебьют. Ругается сквернымисловами — и мои соседи тоже — как чем-то общепринятым, сознает, что это скверно, воздерживается при мне и говорит: вот когда сидел здесь Дм[итрий] Алекс. (кажется так), разве вы слышали (обращаясь к моим сотоварищам), чтобы я употребил хотя бы раз эти слова. Кто такой Д.А.? — инженер — говорит еврей. *Барин* - говорит Родин.

Удивительное совпадение. Р[один] попал сюда из Моршанска, рассказывал об уничтожении Пичаева, сожжении ст[анции] Верна-довки. Сгорел ли мой дом? Мне говорил Монахов за немного дней по телефону, что только поселок-станция. Но по словам Р[одина], все это уничтожено по распоряжению главнокомандующего украинскими частями. Из его слов ясно, что полного доверия к великорусским частям здесь не было. Сам Р[один] Елатошск[ого] у[езда], и он говорит, что повстанцы уничтожают дома всех тех, которые в Красной Армии, если в семье нет, то к ним пристающих. И он не знает, цел ли его дом. Я не буду приводить его бесхитростных, но по-своему сильных рассказов. Из них видно, что это *парадокс* движения: центр Пичаево, Гагарино — все наиболее живые и энергичные узлы Моршанского уезда. Повстанцев больше во много раз, плохо вооружены, и красные только держатся лучшим оружием. Их отряд 500 чел[овек] отступил, все время отстреливаясь, убив из пулеметов до 600 чел[овек] и потерял несколько человек. Однако их перевели сюда. Ясно, что везде все местные советские власти по деревням Тамб[овской] губ[ернии] исчезли и массы их перебили беспощадно. Ожесточение, по-видимому, ужасное…

Из Моршанска он попал прямо в порт Петрограда, где выгружался пароход с сельдями. Этих сельдей кругом все брали: рабочие, беря массами за пазуху, когда бондарь вскрывал бочку, караулы, которые ели их до отвала, все бесчисленные большевистские чиновники. При отходе с караула каждый солдат получал 10 селедок. Их караул на этом попался; другим сошло это даром. Все это многие тысячи селедок, ушедшие до тех пор, пока сельдь дошла до государственных складов. Сколько ее исчезнет еще, пока она дойдет до по-

требителя среди бесконечных столов (как говорит в своей

утопии Ча-янов)[10] советских служащих. Из путанного рассказа солдата видно, что слухи о хищениях дошли до ЧК, их агенты пытались сговориться с бат[альонным] команд[иром], тот принял их за провокаторов, и в конце концов и он сам, и 25 солдат попало в Д[ом] п[редварите-льного] з[аключения], где, голодая, сидят уже чуть не 3-й месяц без допроса. Р[один] всячески делает мелкие услуги — и пришивает пуговицу, и уступает место, и подвергается дружеским насмешкам товарищей, особенно еврея, и временами вспыхивает в нем гнев и он ограждается, но быстро отходит. Как странно, в этом рабе я чувствую какую-то стихийную «героическую» силу. Это те, которые всегда будут поддерживать всякую власть, одинаково служа и большевикам, и царю, и являясь в действительности положительным элементом национальной жизни. Мне сейчас это трудно выразить, но это какая-то бессознательная сила, не герой Чехова, а человек, из которого может выйти и религиозный активист, искатель, и настоящий хозяин-земледелец, и дядька-денщик, преданный без лести, а такой солдат, который дает силу массовой совокупности целого. Герой-раб и человек-раб.

Рядом — волощанин — в сущности каргополец — Новожилов. Нервный, умный, батальонный командир, читающий от скуки Гоголя, полный жизненной сметки. Из крестьян, три раза ранен, думаю, офицер из солдат. Полуобразованный. Практический и с сознанием происходящего. Попал без вины — в прежнее время неделя на гауптвахте. Его прикомандировали к Мурманской пограничной страже; он хотел остаться в Петрограде; недавно женился; раньше все служба в разъездах и он жену видит в течение года месяца 3-4. Через ко-мунистические связи нашел протекцию; рекомендательное письмо раздражило его начальника, и тот, воспользовавшись его резким заявлением и неправильной задержкой бумаг, через Особый отдел препроводил в ЧК, и он 1 - 2 месяца сидит без допроса. Жена один день не пришла, и он сам не свой… Его рассказы очень интересны. Верит в будущее России крепко и стихийно. Деревня пережила и поняла. Ропот прекращается. Друг за друга против комунистов; поняли, что они владели властью, разделяя бедных и богатых. Но и бедные от этого ничего не выиграли и второй раз на эту удочку не ловятся: бедняк указывал, что и где у богатого запрятано, у того отобрали — но попадало не бедному, а увозилось; богатый припрятывал и переставал помогать в нужде бедному. Невыгодно. Его вера в лучшее будущее, как неизбежное, и в происходящее перерождение народа невольно действует: говорит не интеллигент, а представитель того же народа. В армии — все старое; много комунистов среди офицерства. Большев[истская]

власть не прочна; как протянется, неизвестно, но близок конец… Как вы думаете, Алекс. Ник[олаевич], -

обращаясь к еврею — что если прорвется, будет страшная кровавая месть. Страшно и думать, отвечает тот. Будет что-то ужасное.

Сейчас вся тюрьма ждет этого чего-то непреходящего, но неизбежного. И это говорится на каждом шагу. Меня все спрашивают: что произойдет в П[етрограде] — и удивлялись, когда я говорю, что ничего. Они говорят, что ком[унисты] в ЧК нервничают.

Третий мой сожитель, умный петрогр[адский] еврей, без акцента; в 1917 г. кончил гимназию (еврейскую) и, очевидно, весь вошел в политику; 22 года — я думал, ему за 30. Не комунист, но служит правдой, важный занимал пост начальника пересыльного пункта, где сосредотачивались дела по освобождению от воин[ской] по-вин[ности], переходах из одной части армии в другую и т.д. Новожилов был у него, как у начальства, а через 2 дня увидел его в тюрьме. Арестован по обвинению во взятках и освобождению от в[оинской] сл[ужбы] за взятки; резко опровергал и на меня произвел впечатление искренности. Он не похож на вора или взяточника. Сперва арестовали его подчиненных; там были, несомненно, такие случаи, причем, один вызван провокацией ЧК. Он рассказывал (его фамилию я не помню; сложная на -ский) невероятные вещи о следователе и обрисовал всю унизительную и столь же не считающуюся с человеческим достоинством процедуру арестов, обысков и т.д. В среде советских служащих, нередко комунистов. Ему предлагали его выпустить, если он «даст» 13 человек следователю. Тот на него кричал, когда он не захотел подписать протоколов, где все было написано неверно, и тот говорил сл[едующее] — пусть он его поставит к стенке — но он не подписался. Указывает, что если еще пройдет 1 - 2 месяца, он себя убьет. Не верит в будущее ком[унистов] и считает, что дело подходит к концу. Для него, как и для всех, ясно, что ничего создать ком[унистам] не удалось и они потерпели полное фиаско в устройстве жизни. Как будет, неизвестно — но ясно, что конец подходит.

Удивительно это однообразное впечатление — масса невинных людей, страданий, бесцельных и бессмысленных, роста ненависти, гнева и полной, самой решительной критики строя…

Я переживал чувство негодования, как захваченный какой-то отвратительной грубой силой, и все мое стремление было ей не подчиняться. Решил бороться изнутри, ясно сознавая, что извне сделают друзья все. Но оказалось — нельзя писать по начальству до среды — а я был арестован в четверг, решил писать старосте,

вызвал доктора, решившись требовать перевода из клозета. Но в 6 или 7 ч[асов] веч[ера] меня вызвали на допрос. Мои сожители удивились такой быстроте. Следователь Куликов явно дал мне понять свое благоже-лат[ельное] отношения, и я понял с первых же слов (наслышавшись от окружающих о их поведении), что я здесь имею человека предубе-

жденного в мою пользу. Допрос внешний: человек он интеллигентный, по-видимому, — да и он сам сказал — он знает мое прошлое. Не верил, что я не был в Лондоне в промежутке 1918-1921[11] . Рассказал ему сжато, но правдиво, все с 1918-1921, и все занес в протокол. Он знал, что я был в к[а]д[етской] [партии], что я был тов[арищем] мин[истра][12] и т.д. Он заявил, что, конечно, Сов[етская] вл[асть] меня отпустит за границу, «временно», конечно (тут я ему и ответил то, что только что написал об эмиграции), что они понимают мое положение. О поездке в Лондон лучше я не буду писать, сказал он, иначе опять может произойти какое-нибудь недоразумение. Как хотите, сказал я. Спрашивал о Паллади-не[13] , по-видимому, в его письме, захваченном у меня, — о поездке в Лондон, и они не разобрали, в чем дело, а м[ожет] б[ыть], и что-нибудь другое. Он заявил, что меня выпустят, вероятно, завтра, наверное, до обеда. Я попросил, чтобы он постарался выпустить меня раньше: в моем возрасте и при моем здоровье сидеть в клозете губительно. Он обещал и исполнил свое обещание. Прощаясь, он сказал — советская власть должна перед Вами извиниться за этот арест. Что-то вроде того, что они сознают мое значение как умственной силы, как ученого и как нужного специалиста… Допрос происходил в большой комнате, где рядом допрашивал другой следователь и раздавались истерические всхлипывания допрашиваемой женщины…

Через 2 часа меня вызвали к освобождению. Такая быстрота была совсем необычной, и тюремщики удивлялись такой быстроте. Еще новый обыск, ряд формальностей, и в 10 [14] $/_4$ ч[аса] вечера я вышел из тюрьмы, испытывая и переживая чувство негодования, попрания своего достоинства и человеческого достоинства и глубокого сострадания к страдающим за ее стенами. Почему-то мне ближе не чувства Достоевского, а чувства Диккенса и впечатления Пикквика, а не Мертвого дома — там, в Мерт[вом] доме все-таки не больше тюремного, чем в большевистской тюрьме…

Оказалось, что хлопотал Кузьмин[15] , посланы были телеграммы к Ленину и Семашко и Луначарскому[16] . Кузьмин был готов взять меня на поруки. В разговоре с Сергеем[17] — он был ведь тов[арищем] м[инистра] н[ародного] пр[освещения]

при Вр[еменном] прав[итель-стве] — да того министра, который стоит перед Вами… Кристи[18] нашел лучшим, чтобы я пока не подписывал бумаги КЕПСа — красный бюрократизм не отличим от всякого другого. В субботу Кар-

п[инский] получил телеграмму от Горбунова (секр[етаря] СНК)[19] , что я вчера освобожден. Думаю, что распоряжение последовало из Москвы. И Сергей говорил, что освобождение последовало необыкновенно быстро… Когда он сидел — удалось лишь через 4 дня[20] .

ПРИМЕЧАНИЯ

Луначарский А.В. (1875-1933). Народный комиссар по просвещению РСФСР, которому непосредственно подчинялась Академия наук.

Семашко Н.А. (1874-1933). Народный комиссар здравоохранения РСФСР, активно содействовал возвращению Вернадского из Крыма.

С.Ф. Ольденбург (1863-1934). Востоковед, индолог. Непременный секретарь АН с 1904 по 1929 гг. Министр народного просвещения Временного правительства в июле-августе 1917 г. Друг В.И. Вернадского со студенческих лет.

notes

Примечания

1

[1] Жена В.И. Вернадского — Наталья Егоровна (урожд. Старицкая) (1860-1943).

2

[2] Успенский Ф.И. (1845-1928). Выдающийся русский историк-византинист, академик.

3

[3] Имеется в виду президент Российской Академии наук геолог А.П. Карпинский (1846-1936).

4

[4] Речь идет о работе академика В.В. Бартольда «Улугбек и его время» (Пг., 1918).

[5] Эккерман И.П. Разговоры с Гете.

6

[6] Возможно, речь идет об А.Ф. Шидловском (1863 — не ранее 1934), — члене Русского Географического общества, известном библиографе и исследователе русского Севера.

7

[7] Лутугин Л.И. (1864-1915) — геолог, профессор Горного института в Петербурге, один из руководителей Петербургского бюро Союза инженеров и техников, известный общественный деятель.

8

[8] Водовозов В.В. (1864-1933). Участник освободительного движения петербургского студенчества (1883-1887), сотрудник радикальной демократической печати. Эмигрировал в 1926 г. в Прагу, где покончил с собой.

9

[9] Имеется в виду памфлет одного из лидеров немецкой «партии свободомыслия» Е. Рихтера (1838-1906) «Социал-демократические картинки будущего», в котором он выдвинул свою знаменитую «бережливую Агнессу» — бедную швею, имевшую несколько десятков марок в сберегательной кассе и ограбленную «злыми» социалистами, захватившими государственную власть и превратившими банки в государственную собственность.

10

[10] Ч а я н о в А. В. (псевд. И в. Кремлев) (1889-1939). И з в е с т н ы й экономист-аграрник. Автор ряда литературных произведений, в том числе «Путешествия моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (М., 1920), о которой идет речь в дневнике.

11

[11] В течение 1918-1921 гг. В.И. Вернадский находился сначала в Полтаве, затем в Киеве, где стал первым президентом Украинской Академии наук, в дальнейшем — в Крыму, где в Таврическом университете читает лекции по геохимии, а в сентябре 1920 г. избирается ректором этого университета. По признанию самого ученого, именно избрание ректором университета и вытекающая отсюда ответственность за его судьбу заставили В.И. Вернадского отклонить предложение об отъезде в Англию.

12

[12] КЕПС — Комиссия по изучению естественных производительных сил России, основателем и руководителем которой являлся В.И. Вернадский.

13

[13] С августа 1917 г. В.И. Вернадский — товарищ министра народного просвещения Временного правительства, которым сначала был С.Ф. Ольден-бург, а затем С.С. Салазкин.

14

[14] Палладин В.И. (1859-1922). Ботаник, физиолог растений. Академик с 1914 г. Работал вместе с Вернадским в Таврическом университете.

15

[15] Кузьмин Н.Н. (1883-1939). Окончил Петербургский университет. Помощник командующего Балтийского флота.

16

[16] Приводим текст одной из таких телеграмм, хранящейся в Архиве А.М. Горького: «Только что арестован сегодня четверг академик Владимир Иванович Вернадский ордером губчека 889 Ничем не мотивированный арест произведет самое тяжелое впечатление за границей где Вернадский в ученых кругах широко известен Мы поражены и глубоко протестуем против такого насилия над заслуженным товарищем Академия посылает телеграммы Ленину Луначарскому Академия просит Вашей немедленной помощи Непременный секретарь Ольденбург».

17

[17] Начиная с этого места, Вернадский передает реплику Ольденбурга в разговоре с Кузьминым.

18

[18] Кристи М.П. (1892-1937). В 1918-1926 гг. — уполномоченный Нарком-проса в Петрограде.

19

[19] Горбунов Н.П. (1892-1937). С 1920 г. — управляющий делами СНК РСФСР. С 1935 г. — непременный секретарь АН СССР.

20

[20] С.Ф. Ольденбург был арестован в сентябре 1919 г. как бывший член ЦК кадетской партии.